

А. А. Кострюков

Обстоятельства разделения между Русской Зарубежной Церковью и митрополитом Евлогием в 1926 г.

Статья посвящена разделению между Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей и митрополитом Евлогием (Георгиевским). В статье говорится о предпосылках конфликта и его постепенном развитии в 1923–1926 гг. Подробно рассмотрена ситуация, возникшая на Архиерейском Соборе РПЦЗ в 1926 г., когда взаимное непонимание сторон переросло в открытое противостояние. Анализируются причины, по которым две части русской церковной эмиграции оказались разделенными.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь за границей, Западноевропейский округ, митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский), Архиерейский Собор 1926 г.

A. A. Kostriukov

Circumstances of Division between the Russian Foreign Church and the Metropolitan Evlogy in 1926

The article is devoted to the division between the Hierarchal Synod of the Russian Orthodox Church abroad and the Metropolitan Evlogy (Georgievsky). In the article it is said about preconditions of the conflict and its gradual development in 1923–1926. The situation is considered in detail which occurred at hierarchal Cathedral of the Russian Orthodox Church abroad in 1926 when mutual misunderstanding of the parties outgrew into the open opposition. The reasons caused two parts of the Russian church emigration to get divided are analyzed.

Keywords: the Russian Orthodox Church abroad, the West European district, the Metropolitan Antony (Hrapovitsky), the Metropolitan Evlogy (Georgievsky), Hierarchal Cathedral of 1926.

Разделение между Московской Патриархией и Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), благополучно завершившееся в мае 2007 г., в настоящее время нашло отражение в исследованиях. Намного меньше известно об отношениях между Архиерейским Синодом РПЦЗ и Западноевропейским округом, отделившимся от РПЦЗ в 1926 г. Это внутреннее разделение русской эмиграции воспринималось в 1920–1930-е гг. даже тяжелее, чем разделение с Московской Патриархией. Если конфликт с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) эмигранты могли объяснить давлением на него ОГПУ, то действия митрополита Евлогия, находившегося на свободе, воспринимались как открытое предательство русских церковных интересов. В течение многих лет Русская Зарубежная Церковь и Западноевропейский округ издавали труды на тему разделения. Но как мемуары, так и исследования были написаны либо участниками конфликта, либо представителями враждующих сторон, а потому не могут претендовать на объективность [1]. В настоящее время нача-

лось беспристрастное рассмотрение этого противостояния и имеется надежда, что со временем мы получим ясную картину того, почему отношения между РПЦЗ и митрополитом Евлогием сложились столь трагично [2].

Как известно, архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) был назначен управляющим заграничными русскими приходами еще Высшим Церковным управлением на Юго-востоке России в октябре 1920 г. [3]. Этот указ не дошел до архиепископа Евлогия и был повторен уже за границей. Теперь архиепископу Евлогию поручалось управление приходами в Западной Европе. Это назначение подтвердил Патриарх Тихон. С новыми правами архиепископа Евлогия согласился и митрополит Вениамин (Казанский), которому, как Петроградскому митрополиту, принадлежало право управления зарубежными приходами [4].

В мае 1922 г. последовал известный указ № 348 (349) [5], по мысли которого власть над зарубежными приходами передавалась митрополиту Евлогию. Ему же поручалось составить проект дальнейшего управления Зарубежной

Церковью. Но митрополит Евлогий отказался принять на себя власть сначала на Архиерейском Соборе 1922 г., а затем и на Архиерейском Соборе 1923 г. В проекте управления РПЦЗ, представленном митрополитом Евлогием, говорилось, что власть в Зарубежной Церкви должна принадлежать Архиерейским Соборам, а в перерывах между ними – Архиерейскому Синоду под председательством митрополита Антония (Храповицкого). Таким образом, митрополит Евлогий отказался от полномочий, предоставленных ему Патриаршим указом [6]. Результатом обсуждения стала автономия Западноевропейского митрополичьего округа, а митрополит Евлогий стал непременным членом Архиерейского Синода [7].

И все же отношения между Зарубежным Синодом и митрополитом Евлогием после 1923 г. стали ухудшаться. Митрополит старался меньше оглядываться на Синод и вскоре прекратил поминовение митрополита Антония за богослужением [8]. При этом митрополит Евлогий неоднократно просил Святейшего Патриарха предоставить западноевропейским церквям права митрополичьего округа, а также подчинить ему духовную миссию в Святой Земле. Однако Патриарх Тихон оставлял без ответа все предложения и проекты, которые шли со стороны митрополита Евлогия [9].

Ситуация усугублялась тем, что окружение митрополита Евлогия не разделяло многих идей как иерархов РПЦЗ, так и политических деятелей, влиявших на митрополита Антония [10]. Возникли проблемы и с финансовой отчетностью [11]. Закономерным результатом противостояния стала попытка Архиерейского Собора 1924 г. «в целях церковной пользы» упразднить автономию Западноевропейского округа. Архиерейский Собор обосновывал свое решение необходимостью единства русской эмиграции [12]. Однако это решение встретило протест со стороны митрополита Евлогия, который в своей речи вспомнил о правах, предоставленных ему Патриархом Тихоном в указе № 349 [13], и покинул заседание. *«По обсуждению создавшегося положения, – говорится в протоколе, – в отсутствие митрополита Евлогия, Собор постановил [передать] все это дело на окончательное решение Святейшего Патриарха, а до получения этого решения оставить status quo»* [14].

Хотя митрополит Евлогий в тот момент и сумел преодолеть давление Синода и отстоял свои права, отношения между сторонами после этого инцидента ухудшились. Смерть Патриарха Ти-

хона еще более отделила митрополита Евлогия от Архиерейского Синода. Новой причиной конфликта стало различное отношение Архиерейского Синода и митрополита Евлогия к полномочиям Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). В отличие от Архиерейского Синода, митрополит Евлогий сразу же признал митрополита Петра Местоблюстителем и начал его поминовение. Наверное, не без ведома митрополита Евлогия, в газете «Возрождение» (1925, № 41) появилась статья А. В. Карташова, где Зарубежный Синод обвинялся в желании отделиться от Всероссийской Церкви [15].

Не сомневаясь в православии митрополита Петра, митрополит Евлогий в ответ на запрос Архиерейского Синода ответил, что речь, по большому счету, должна идти не о признании Карловацким Синодом митрополита Петра, а о признании митрополитом Петром этого Синода [16]. В данном случае митрополит Евлогий опирался на интуицию, к счастью, его не подведшую. Однако такой, интуитивный, подход в условиях того времени таил в себе немало опасностей. Карловацкий Синод искренне сомневался в митрополите Петре, который был почти неизвестен в эмиграции. Недоверие к митрополиту было вызвано опасением, что он согласится на объединение с обновленцами. Только узнав, что митрополит Петр отказался от участия в обновленческом соборе 1925 г., Зарубежный Синод признал архипастыря Местоблюстителем. И все же, хотя Зарубежный Синод в ноябре 1925 г. уже сам начал поминать митрополита Петра на богослужениях, митрополит Антоний 27 ноября 1925 г. написал письмо митрополиту Евлогию с порицанием. Глава РПЦЗ указывал, что митрополиту Евлогию, прежде чем издавать распоряжение о поминовении митрополита Петра, следовало предварительно списаться с Архиерейским Синодом [17].

К 1926 г. обстановка еще более накалилась. Связано это было не столько с вмешательством Архиерейского Синода в дела Западноевропейской архиепископии, сколько с превышением митрополитом Евлогием своих полномочий. Митрополит Евлогий, например, принял участие в конфликте между приверженцами старого и нового календарного стиля на Валааме, поддержал новостильников и призвал монахов подчиниться архиепископу Герману (Ааву). Как известно, Всероссийская Церковь считала назначение архиепископа Германа незаконным и признавала главой Церкви в Финляндии архиепископа Се-

рафима (Лукьянова). Зарубежный Синод в этом вопросе стоял на стороне Патриарха и архиепископа Серафима, не признавал архиепископа Германа законным архиереем и выступал против сторонников нового стиля [18]. Другое каноническое нарушение митрополита Евлогия состояло во вмешательстве в дела австралийского прихода РПЦЗ [19]. В вину митрополиту Евлогию ставили игнорирование распоряжений Архиерейского Синода, а также издание постановлений, противоречащих синодальным.

Конечно, действия митрополита Евлогия выходили за рамки полномочий, предоставленных ему Архиерейским Собором 1923 г. Однако митрополит, ранее изъявлявший верность Синоду, теперь, в 1926 г., стал обосновывать свои полномочия указом № 348 (349), настаивая на том, что имеет самые широкие полномочия.

Естественно, эти противоречия вели к обострению конфликта. «К началу Собора 1926 г., – писал митрополит Евлогий в своем письме Синоду 29 июня 1926 г., – атмосфера наших взаимоотношений еще более сгустилась, стремления к расширению прав Заграничного Центрального управления еще более усилились. Незадолго до Собора Управляющий Синодальной канцелярией писал моему секретарю, что на этой почве нам угрожает даже раскол» [20]. Впоследствии, уже после разделения, в своем обращении к пастве митрополит Евлогий говорил, что о намерении покуситься на его права он знал в частном порядке еще до Собора 1926 г. [21].

Как писал митрополит в своих воспоминаниях, особо смутило его то, что в повестке Архиерейского Собора стоял пункт «Пересмотр взаимоотношений Синода и Западно-европейской епархии». По этой причине председатель совещания бывших российских послов М. Н. Гирс советовал митрополиту Евлогию и вовсе не ехать на Собор [22]. Однако в разосланной архиереям повестке Собора такого пункта нет, и вопрос о Западно-европейской епархии в предсоборной архиерейской переписке не поднимался. На самом деле митрополит Евлогий имел в виду второй пункт повестки «Общие вопросы по управлению Русскою Заграничною Церковью и об отношении к Центральному Всероссийскому Церковному управлению» [23]. Хотя в названии пункта не говорится о Западно-европейской епархии, митрополит увидел здесь угрозу своей самостоятельности. Сложно сказать, насколько обоснованными были его подозрения. Но, как

видно из мемуаров архипастыря, на Собор он ехал, настроившись на конфликт.

26 июня 1926 г. митрополит присутствовал на заседании Архиерейского Собора. В своем послании к пастве, увидевшем свет вскоре после окончания Собора, митрополит Евлогий писал: «Не чувствовалось в этой атмосфере тихого веяния Божией благодати. Я уже чувствовал свою полную изолированность на Соборе, свое глубокое духовное одиночество, я чувствовал себя во власти произвола и засилия каких-то предвзятых и принятых решений, с которыми было бесполезно бороться» [24]. В своих мемуарах митрополит Евлогий отмечал, что атмосфера на Соборе в момент его прибытия была «нервная, накаленная» [25]. Анонимный автор, подготовивший соборный отчет, согласен, что атмосфера была тяжелая, но виновником этого считал не зарубежных иерархов, а митрополитов Евлогия и Платона (Рождественского). «Выступления обоих митрополитов, – говорилось в отчете, – носили почти обструкционный характер. Создавалось ясное впечатление о желании затруднить работу Собора, сорвать Собор, вызвав разделение» [26]. Действительно, митрополит Евлогий отказался подписать соборный протокол, где осуждалось стремление митрополита Платона к отделению от Всероссийской Церкви [27]. Свой отказ подписать протокол митрополит Евлогий впоследствии объяснял тем, что митрополита Платона обвиняли несправедливо. Однако митрополит Платон действительно стремился к церковной самостоятельности и в 1924 г. объявил о своей независимости от Всероссийской Церкви [28]. Поэтому защита митрополитом Евлогием митрополита Платона была расценена, как явная обструкция.

В следующем заседании, 27 июня, митрополит Евлогий участвовал уже без митрополита Платона. «Поднимается буря из-за меня, – пишет митрополит Евлогий в мемуарах, хотя понятно, что эту “бурю” начал он сам. – На повестке обсуждение пункта о Западно-европейской епархии; поставленное в начале повестки, оно было потом произвольно отнесено на самый конец. Я хитрость понял. Синод хотел использовать меня для совместных постановлений, а потом поставить вопрос о наших взаимоотношениях. Я потребовал изменить порядок обсуждения повестки» [29]. По-видимому, у митрополита были основания подозревать Архиерейский Синод в желании ограничить его права. Повестка, розданная на Соборе, действительно отличалась от повестки, разо-

сланной ранее. Однако и в новой повестке пункта о Западноевропейской епархии не было. Второй пункт повестки касался отношений со Всероссийской Церковной властью [30]. Этот пункт действительно был перенесен, но причина этого была, скорее всего, не в «хитрости», а в том, что иерархи не успевали подготовиться к обсуждению этого вопроса. Подтверждается это тем, что решение по данному пункту повестки не имеет характера самостоятельного, а целиком строится на опровержении претензий, высказанных митрополитом Евлогием на Соборе.

Вообще, вопросы повестки на Соборе 1926 г. обсуждались не в соответствии со списком, а по мере подготовки докладов [31]. Так, в первый день Собора, кроме вопроса о признании митрополита Петра, обсуждался проект приходского устава (16 пункт повестки), вопрос о хиротонии архимандрита Арсения (Чаговца) во епископа Виннипегского (29 пункт повестки), а также доклад архиепископа Иннокентия (Фигуровского) о порядке расторжения церковного брака (15 пункт повестки) [32]. Представляется вполне вероятным, что если бы доклад по второму пункту повестки был готов до начала Собора, то его обсудили бы в первый день. Но в тот момент убедительно объяснить митрополиту Евлогию причину откладывания второго пункта повестки, по видимому, никто не мог, и митрополит Евлогий считал, что все это не предвещает для него ничего хорошего. В своем письме от 29 июня митрополит писал: *«Второй пункт повестки не оставил сомнений в том, что ожидается новый акт <...> измучившей меня и, видит Бог, не от меня разжигаемой церковной борьбы. И потому на первом же заседании я просил разъяснить мне смысл и содержание этого пункта. Опасения мои оправдались: из обмена мнениями, а также из заслушанных в заседании отзывов <...> епископов я убедился, что борьба эта будет вестись на Соборе с новой силою. Чтобы в самом начале разъяснить положение и не оставаться в неопределенности и двусмысленном состоянии, я потребовал, чтобы этот важный, кардинальный, принципиальный вопрос был обсужден в первую очередь впереди других четырех вопросов, как они стоят на повестке, и подал об этом мотивированное заявление»* [33].

Митрополит Евлогий стал обвинять Зарубежный Синод в попытках отделиться от Всероссийской Церкви, хотя такие обвинения были несправедливы – никаких шагов в этом направлении в РПЦЗ в 1926 г. не предпринималось. Еще одним

обвинением со стороны митрополита Евлогия было обвинение в стремлении Зарубежного Синода ограничить его полномочия. Поводом для подозрений стали отзывы некоторых архиереев, зачитанные на одном из заседаний. Из этих отзывов, по словам митрополита Евлогия, *«ясно было, что снова намечается стремление усилить и расширить власть Архиерейского Синода в Карловцах и ограничить данные ... в Бозе почившим патриархом Тихоном полномочия»*. В этом убедил митрополита Евлогия и начавшийся обмен мнениями между иерархами [34]. Действительно, некоторые архиереи РПЦЗ в своих письмах призывали к временному размежеванию с московской церковной властью. Однако цитирование писем архиепископов не должно было означать, что их мнения будут приняты Собором. Другие архиереи столь же категорично выступали против автокефалии, и если бы по всем вопросам было полное единомыслие, то не было бы необходимости в Соборе. В этом отношении настороженность митрополита Евлогия была напрасной – автокефалию РПЦЗ Собор не объявил. Но митрополит, заранее уверенный в «хитрости» зарубежных архиереев, стал требовать ответа на вопрос о статусе Архиерейского Синода.

Митрополит Евлогий попросил перед обсуждением других вопросов сообщить ему: 1) признает ли Собор полномочия митрополита Евлогия, 2) считает ли Собор Зарубежную Церковь частью Всероссийской Церкви или же самостоятельным церковным установлением [35].

Из заявлений митрополита Евлогия, прозвучавших на Соборе, было ясно, что он видел будущее русской православной эмиграции в отдельных епархиях. За Синодом он соглашался признать только моральный авторитет, то есть отказывал ему в административных полномочиях. Иначе говоря, митрополит Евлогий действительно хотел самостоятельности и для своей епархии, и для себя лично. Не имеющий административных полномочий Синод не смог бы мешать митрополиту Евлогию вмешиваться в дела русской диаспоры во всем мире. Если учесть глубокую убежденность митрополита Евлогия в том, что Церковь должна *«временно умереть в политико-национальном отношении»* [36], то можно понять, почему такой вариант был абсолютно неприемлем для Синода.

Архиерейский Синод со своей стороны действительно считал себя каноничной властью для всей русской православной эмиграции, считал русскую православную эмиграцию именно За-

границной Русской Церковью, хотя и в качестве части Всероссийской Церкви. Зарубежный Синод видел свою цель в сохранении единства русской Церкви в эмиграции. Так, в сентябре 1922 г., в ответ на просьбу архиепископа Мефодия созвать Дальневосточный Собор для организации церковной власти в Маньчжурии, Архиерейский Синод разрешил создание Дальневосточного Церковного управления, но с условием, что оно будет подчиняться Заграничному Синоду, а через него Патриарху, «дабы не дробить церковную власть, в особенности в это тяжелое для Российской Церкви время, когда особенно необходимо церковное единовластие» [37]. Такое понимание своей миссии пришло не накануне Собора 1926 г., как может показаться из слов митрополита Евлогия, а намного раньше, еще со времени пребывания Церковного управления в Константинополе [38]. Синод никогда не согласился бы с тем, чтобы делить эмиграцию на ряд епархий, для которых Собор становился неким клубом для обсуждения общих «моральных» вопросов. Жесткая централизация была нужна Архиерейскому Синоду именно для того, чтобы сохранить русскую эмиграцию для будущей, свободной России, чтобы предохранить ее от ассимиляции, которая представлялась неминуемой в случае потери эмиграцией единого церковного центра.

Предложение митрополита Евлогия об обсуждении 2-го пункта было поставлено на голосование, завершившееся не в пользу парижского иерарха – Собор почти единогласно, против одного голоса самого митрополита Евлогия, решил этот пункт повестки обсудить по рассмотрении всех вопросов [39]. На следующий день, 28 июня, митрополит Евлогий снова выступил с требованием обсудить вопрос в первую очередь. «Я имел основание для этой настойчивости, – писал митрополит, – ибо <...> не хотел присутствовать на Соборе с завязанными глазами» [40]. Вопрос был вновь поставлен на голосование, и на этот раз незначительным большинством голосов было принято решение пойти навстречу митрополиту Евлогию и поставить обсуждение 2 пункта повестки в первую очередь [41]. Однако на следующий день ситуация снова изменилась – два архиерея решили взять свои голоса назад [42]. Этого оказалось достаточно, чтобы митрополит Евлогий вновь оказался в меньшинстве. Собор отказался от принятого накануне решения и вновь поставил вопрос об управлении Зарубежной Церковью в конец повестки. Митрополит

Евлогий был глубоко возмущен и покинул Собор [43]. «Я бывал в Государственной Думе и в разных собраниях, – сказал на прощание митрополит, – но такого произвола не видал: вечером что-то постановляют, а наутро от него отказываются» [44].

Члены Архиерейского Собора, не увидевшие своей вины, составили акт, в котором говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся Члены священного Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей, удостоверяя оставление Высокосвященным Митрополитом Евлогием заседаний Архиерейского Собора 16/29 июня из-за того, что Собор не согласился изменить порядок рассмотрения вопросов повестки, и свидетельствуя, что Митрополит Евлогий не в первый раз позволяет себе подобное действие, осуждаем подобное антидисциплинарное и антиканоническое поведение Митрополита Евлогия, недопустимое ни в каких общественных собраниях вообще и особенно на Соборе Епископов, собирающихся с молитвою “днесь благодать Духа Святаго нас Собора” и долженствующих разрешать вопросы единодушно или по большинству голосов, согласно священным канонам “мнение многих” да превозмогает» [45].

Автор соборного отчета видел нарушение не со стороны Собора, а со стороны митрополита Евлогия. «К таким мерам, – говорится в документе, – недопустимым вообще в порядочном обществе, – тем более в Собрании Епископов <...> митрополит Евлогий не в первый раз прибегает. То же самое делал он и на прежних Соборах (и даже в России, как говорят); но тогда его удерживали, а теперь всем надоело это» [46]. Конечно, ссылка на то, что поведение митрополита Евлогия членам Собора «надоело», представляется несерьезной. Кроме того, Зарубежный Синод, по-видимому, уверенный, что митрополит Евлогий из РПЦЗ не уйдет, отказался от возможности переговоров с ним, подтолкнув его к решительным действиям.

И все же вопросы, заданные Собору митрополитом Евлогием, обсуждались. Архиерейский Собор, ссылаясь на распоряжение Патриарха Тихона № 362 от 20 ноября 1920 г., признал, что епископы, оказавшиеся без связи с Патриархом, обязаны организовать временно независимое Высшее Церковное управление. Организация Зарубежного ВЦУ в виде Архиерейских Соборов и Архиерейского Синода была признана соответствующей канонам и распоряжениям московской церковной власти [47].

Как видно из этого постановления, Архиерейский Синод признавал Зарубежную Церковь частью Российской Православной Церкви и заявлял о своем единстве с ней. Кроме того, свое положение Архиерейский Синод считал каноничным. Митрополиту Евлогию и его викариям было предложено подать в Синод заявление, что они признают за Синодом не только моральную, но и каноническую (административно-судебную власть) [48]. До получения такого заявления было решено не считать митрополита Евлогия членом Синода. В случае отказа от такого заявления митрополит Евлогий должен был быть отстранен от должности. Кроме того, от митрополита Евлогия потребовали дать письменное объяснение по ряду фактов, таких как самочинное утверждение положения о викарных епископах, открытие без ведома Синода богословского института, отказ предоставить его устав, назначение священников в Австралию, признание епископа Германа (Аава) главой Финляндской епархии и др. [49].

Соборные постановления говорят, что запланированных решений о митрополите Евлогии не было. Что касается разговоров об ограничении его прав, то они также остались разговорами – ведь автономию Западноевропейского округа Собор не отменил. Главной же причиной конфликта стала все-таки изначальная настроенность митрополита Евлогия на положение жертвы и уверенность в своем *«духовном одиночестве»*. Остается пожалеть о том, что, удалившись на все оставшиеся дни Собора в Хоповский монастырь [50], митрополит Евлогий упустил возможность принять участие в решении вопросов, которые напрямую или косвенно касались его епархии и его деятельности.

Без митрополита Евлогия Собор обсуждал вопрос о Свято-Сергиевском богословском институте. Поначалу Зарубежный Синод отнесся к институту благожелательно. Митрополит Антоний (Храповицкий), побывавший проездом в Париже летом 1925 г., даже успел прочитать в новом институте лекцию о сущности пастырского служения и об отношении философии к христианству [51]. Печатный орган Архиерейского Синода, «Церковные ведомости», в начале 1926 г. призывал жертвовать средства на Свято-Сергиевский институт [52]. Но отношение к институту вскоре изменилось. На создание этого учебного заведения Синод смотрел не как на внутреннее дело Западноевропейской епархии и даже не как на внутреннее дело РПЦЗ, а как на дело Всероссийской Церкви. Архиерейский Си-

нод, уверенный в скором возвращении на родину, считал, что со временем в Свято-Сергиевском институте будут обучаться и студенты из России. Поэтому Синод считал, что новое духовное учебное заведение должно иметь утвержденный устав, учебные планы и утвержденный персонал по образцу духовных академий в дореволюционной России [53]. Митрополит Евлогий со своей стороны в деле Богословского института мечтал о свободе и никаких документов не предоставил. Смущало, что митрополит Евлогий обратился за материальной помощью к YMCA [54] – организацию, которую в Сремских Карловцах называли «масонской» [55].

Организация YMCA, впоследствии продолжавшая оказывать институту помощь, влияла и на учебный процесс, и на издательскую деятельность института, что, конечно, не приветствовалось церковными консерваторами. В Зарубежном Синоде имелись, например, сведения, что YMCA одним из условий своей материальной помощи ставила назначение преподавателем богословия протоиерея Сергия Булгакова, несмотря на его сомнительные богословские взгляды [56]. Получалось, что митрополит Евлогий соглашался с влиянием YMCA и противился при этом влиянию со стороны православных архиереев.

Архиерейский Собор 1926 г. заявил, что Свято-Сергиевский институт должен находиться в ведении Архиерейского Синода, который будет утверждать устав и учебный персонал. Утвердить состав преподавателей Синод соглашался лишь после того, как они предоставят напечатанные учебные труды. Наконец, Собор выразил пожелание, чтобы институт освободился от сомнительной денежной помощи [57]. В решениях относительно учебной программы и назначения преподавательского персонала нет ничего противозаконного. Однако трагизм ситуации был в том, что Синод и митрополит Евлогий уже давно понимали будущее русской эмиграции по-разному. Без преодоления этого главного препятствия все принимаемые решения только усугубляли разрыв.

Следующее решение, поспособствовавшее углублению разделения, было связано с отделением от Западноевропейского округа Берлинского викариатства и преобразованием его в самостоятельную епархию. Митрополит Евлогий писал, что это решение было принято по ходатайству епископа Берлинского Тихона (Лященко), *«который жаловался Синоду, что после всего,*

что произошло, ему невозможно служить вместе со мною» [58].

Противники Зарубежного Синода утверждали, что выделение Германской епархии было запланировано Высшим монархическим советом [59], к которому был близок митрополит Антоний. Формально отделение Берлинской епархии Собор объяснил пользой дела *«ввиду затруднений нормировать церковную жизнь в Германии по предписаниям епархиального управления, находящегося в Париже и существующего в юридическом отношении по законам Франции»*. Другим обоснованием для выделения Берлинской епархии стало то, что *«в Германии появляются живоцерковцы и обновленцы, в борьбе с которыми местному епископату <...> необходима большая самостоятельность и спешность в принятии соответственных мер»*. Ссылались члены Собора и на просьбы, поступающие из Германии [60]. Данный шаг Архиерейского Синода был бы объясним, если бы речь шла о разделении епархии. Но при существовавшем положении дел решение о выделении новой епархии было сомнительным – ведь Германскую епархию выделяли не из другой епархии, а из автономного округа.

Однако, как свидетельствовали участники тех событий, Собор никогда не пошел бы на такой шаг, как разделение Западноевропейского округа, если бы митрополит Евлогий принимал участие в обсуждении. *«Я уверен, – писал митрополиту Евлогию митрополит Антоний 17 августа 1926 г., – если бы Вы не оставили Собора, Германия не была бы выделена в самостоятельную епархию»* [61]. В своем письме от 19 августа того же года митрополит Антоний свидетельствовал об этом еще более настойчиво: *«Своей архиерейской совестью свидетельствую, что доклада Архиерейского Собора о выделении Германии не было и вопрос о сем ни в каком пункте повестки Собора не мыслился»* [62]. Е. И. Махароблидзе осенью 1926 г. также говорил митрополиту Евлогию: *«Замыслов против вас не было. Если бы вы не уехали, мы бы Германию не выделили»* [63].

Следующим шагом, предпринятым Собором против митрополита Евлогия, стало выделение из его подчинения Южной Америки, где приходом управлял преданный Синоду протопресвитер Константин Изразцов. Основанием стало то, что Южная Америка не относится к Западной Европе. Другое основание было в «высоком положении» протопресвитера К. Изразцова, кото-

рый должен быть подчинен непосредственно Архиерейскому Синоду [64].

Понятно, что эти действия усугубляли положение. Митрополит Евлогий писал, что Архиерейский Собор в эти дни *«выкопал глубокий, непреходимый ров между собою и мною»*. Возмущение митрополита вызвало и то, что Собор решал вопросы, которые не имел права обсуждать без него [65]. Это действительно так, однако не стоит забывать, что митрополита Евлогия никто с Собора не гнал и его уход был следствием изначальной настроенности на конфликт и уверенности в том, что либеральный парижский епархиальный совет поддержит любые его действия. Прояви он выдержку и твердость, разделения в тот момент можно было бы избежать. Вполне возможно, что большинства неблагоприятных решений в адрес Западноевропейского округа просто не было бы.

В течение 1926 – начала 1927 г. между Зарубежным Синодом и митрополитом Евлогием шла бурная переписка. Наконец, митрополит Евлогий согласился на примирение и подчинение, если ему будет возвращено Берлинское викариатство [66]. По всей видимости, если бы Зарубежный Синод пошел навстречу митрополиту Евлогию, конфликт удалось бы погасить. Однако Синод этого не сделал.

Но непоследовательно вел себя и митрополит Евлогий. В августе 1926 г. он согласился подчиниться Зарубежному Синоду и даже направил в Сремские Карловцы двух викариев для обсуждения вопроса о Берлинской епархии [67]. Однако, не дождавшись окончательного урегулирования конфликта, митрополит запретил епископу Тихону священнослужение в Берлинской епархии [68]. Это привело к тому, что прибывшие в Сремские Карловцы архиереи не смогли исправить ситуацию.

Кульминацией разделения было запрещение митрополита Евлогия в священнослужении Архиерейским Синодом РПЦЗ в январе 1927 г. В сентябре 1927 г. Архиерейский Собор подтвердил это запрещение. Разделение между двумя частями русской эмиграции стало реальностью. Ситуацию ухудшило согласие митрополита Евлогия на подписку о лояльности большевистской власти (1927 г.) и его последующий переход в ведение Константинопольской Патриархии (1931 г.). След от конфликта 1926 г. остался надолго, а потому окончательного преодоления разделения не произошло. Хотя в 1934 г. прещения с митрополита Евлогия были сняты Архие-

рейским Собором РПЦЗ [69], административное единство так и не было восстановлено.

Подводя итог, можно сказать, что причин для разделения было немало. Прежде всего, это разное понимание миссии русского церковного зарубежья. Стремление Архиерейского Синода к централизации и единству не было понятно митрополиту Евлогию, которому была нужна церковная свобода и самостоятельность. К окончательному разрыву стороны пришли на Архиерейском Соборе 1926 г. Причиной конфликта стала изначальная настроенность на него митрополита Евлогия. Со своей стороны Архиерейский Синод, уверенный в своей правоте, проявил неуступчивость и принял ряд постановлений, подтолкнувших митрополита Евлогия к окончательному отделению от Русской Зарубежной Церкви.

Примечания

1. См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий. Издательский отдел Всецерковного православного молодежного движения, 1994; Каноническое положение Православной Русской Церкви Заграницей. Париж. Издание Епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа, 1927; *Григорий (Граббе), еп.* К истории русских церковных разделений заграницей. Нью-Йорк, Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1992; *Марков Н.* Правда о смуте церковной. Париж, 1926; *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. Нью-Йорк: Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1960; *Тальберг Н.* К сорокалетию пагубного евлогийанского раскола. Нью-Йорк. Джорданвилль. Свято-Троицкий монастырь, 1966.

2. См. напр.: *Беляева А.* Русская Православная Церковь заграницей (1919–1926 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 1998; *Попов А.* Российское православное зарубежье. М.: Институт политического и военного анализа. Центр по изучению Русского зарубежья, 2005; *Цытин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997 / История Русской Церкви. Кн. 9. М. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

3. ГАРФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 2. Л. 229–229 об.; Д. 25. Л. 86 об.

4. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 344, 355.

5. Указ был выслан митрополиту Антонию под № 348, а митрополиту Евлогию под № 349. Текст указа см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Москов-

ского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. С. 193–194.

6. Подробнее см.: *Кострюков А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: ПСТГУ, 2007. – С. 132–133, 175–176, 182.

7. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 83 об., 94 об.

8. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... 1961. Т. 7. С. 40.

9. *Махароблидзе Е.* Обнаружение тайны // Церковные ведомости. – 1929. – № 13–24. – С. 28; *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. С. 61; Письма Блаженнейшего митрополита Антония. С. 177, 180–181; *Польский М., прот.* Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. С. 135.

10. См. напр.: *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2002. С. 54; *Зернов Н.* Юрисдикционные споры в Русской Церкви и I Всезарубежный Собор в Карловцах в 1921 г. // Вестник РХД, 1974. – № 114. – С. 124.

11. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 40 об.

12. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 40–40 об.

13. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 557.

14. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 41 об.

15. *Махароблидзе Е.* Открытое письмо г-ну Карташеву // Церковные ведомости. – 1925. – № 15–16. – С. 9.

16. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 557

17. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

18. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 395.

19. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония. Т. 7. С. 120.

20. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 299. Речь идет о Е. И. Махароблидзе и Т. А. Аметистове.

21. *Евлогий, митр.* Послание к пастве // Возрождение. – 1926. – № 446, 22 августа.

22. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 559.

23. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 92.

24. *Евлогий, митр.* Послание к пастве // Возрождение. 1926. № 446, 22 августа

25. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 559; Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви заграницей // Церковные ведомости. 1926. № 17–18. С. 5.

26. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 391.

27. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 559.
28. Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка. Нью-Йорк. Джорданвилль. 1954 (на обложке указан 1955). С. 41.
29. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 559.
30. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 206–207.
31. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 392.
32. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 390.
33. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 299–299 об.
34. *Евлогий, митр.* Послание к пастве // Возрождение. 1926. № 446. 22 августа.
35. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 291–291 об.
36. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
37. Определения Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1922. № 16–17. С. 3.
38. *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. Нью-Йорк: Издание Северо-Американской и Канадской епархии. 1959. С. 16.
39. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 391.
40. *Евлогий, митр.* Послание к пастве // Возрождение. 1926. № 446. 22 августа.
41. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 298.
42. С. С. Заграничное русское архиерейское собрание в Сремских Карловицах // Утренняя заря. 1926. № 8. С. 124.
43. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 298.
44. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 559.
45. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 364.
46. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 392.
47. Определение Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1926. № 19–20. С. 1–2.
48. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 405–406.
49. Определение Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1926. № 19–20. С. 2.
50. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 560.
51. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония. Т. 7. С. 84–85.
52. Обращение Управляющего русскими православными церквями в Западной Европе Высокопреосвященного Митрополита Евлогия // Церковные ведомости. 1926. № 1–2. С. 9–10.
53. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 400–401.
54. YMCA – Young Men's Christian Association (Христианская ассоциация молодых людей) – молодежная благотворительная организация, основанная в Лондоне в 1844 году.
55. Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ... С. 38–39.
56. *Тальберг Н.* К сорокалетию пагубного евлогинского раскола. Нью-Йорк. Джорданвилль. Свято-Троицкий монастырь. 1966. С. 25, 26, 34–35.
57. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 401.
58. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 560.
59. *Странник.* Предварительные замечания на обращение девяти Карловацких Архиереев // Голос Литовской православной епархии. 1933. № 10. С. 118.
60. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 405; Окружное послание Председателя Собора Архиереев и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1926. № 13–14. С. 4.
61. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. С. 121.
62. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. С. 136.
63. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 563.
64. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 405. В Окружном послании митрополита Антония от 23 июля 1926 г. сказано «до октября месяца 1923 года» (Окружное послание Председателя Собора Архиереев и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1926. № 13–14. С. 4).
65. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 561, 560.
66. Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1926. № 17–18. С. 7.
67. Заявление митрополита Евлогия и его викариев от 4/17 августа 1926 г. за № 1398 о признании канонической власти Архиерейского Собора и Синода // Церковные ведомости. 1926. № 15–16. С. 11.
68. Отрешение берлинского еп[ископа] Тихона // Последние новости. 1926. № 1976.
69. Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей от 28 авг[уста] – 10 сент[ября] 1934 г. о снятии прещений, наложенных на Митр[ополита] Евлогия и его викариев Архиерейским Собором в 1927 году // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1934. № 9–10. С. 5–6.